

14.08.2002
Антонов по рюк

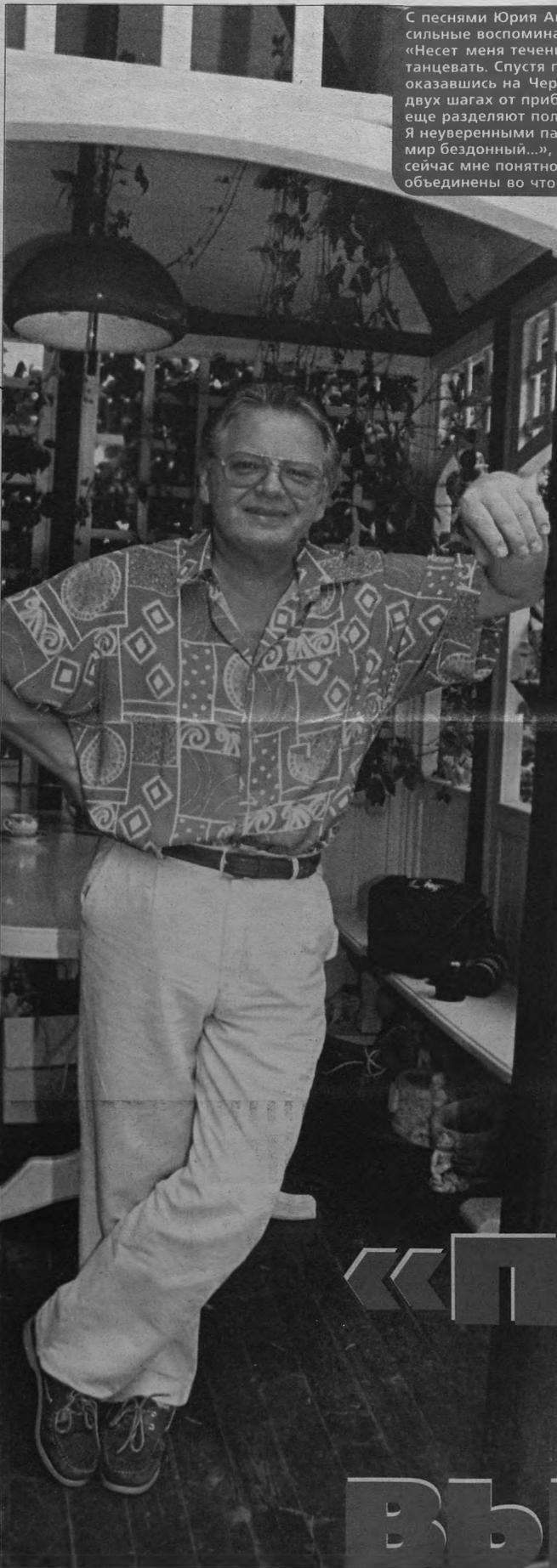

фото Максима Бурлака

С песнями Юрия Антонова меня лично связывают довольно-таки сильные воспоминания. Под один из его первых шлягеров — «Несет меня течение...» — когда-то давно в школе я учился танцевать. Спустя годы, уже студентом, в очередной раз оказавшись на Черноморском побережье, песню себя лежащим в двух шагах от прибора. Рядом лежит малознакомая девушка. Нас еще разделяют полметра пляжа. Я неуверенными пальцами пытаюсь наиграть на гитаре «Море, море, мир бездонный...», под которую мы час назад познакомились. Только сейчас мне понятно, что эти простые и дорогие сердцу воспоминания объединены во что-то законченное музыкально Юрия Антонова.

Протащить песню через худсовет стоило 100 рублей

— Юрий Михайлович, как вы считаете, если бы вы начинали не в те времена, а сегодня — стали бы таким популярным, таким народным артистом?

— Думаю, все было бы гораздо сложнее. Сейчас ругают почти все, что было в восьмидесятые годы. Я не ругаю, хотя у меня есть основания вспоминать то время не всегда хорошими словами. Знаете, возраст имеет огромное значение. Я был молод. А энергетика молодого человека и уже убеленного сединами разная.

— Вам — 56, еще не возраст. К тому же выглядите вы намного моложе...

— Спасибо. Я не девушка, но такой комплимент любому человеку приятен. Вообще, ситуация тогда и сегодня настолько разная — однозначно, совершенно, что сравнивать то время с этим невозможно и просто неправильно. С одной стороны, в то время было сложнее — худсоветы, райкомы, с другой — проще. Не было такого бога, как золотой телец. Тогда все работало за идею. Главным было, чтобы песня прозвучала, понравилась людям, несла им радость.

— Наверное, в первую очередь все-таки двигало честолюбие?

— Вот именно — честолюбие. Но оно не основывалось на материальных ценностях. Никто не ставил цель — заработать. Наоборот, сами еще приличивали, чтобы протащить песню через худсовет. Сегодня я вам могу открыть небольшой секрет: на фирме «Мелодия» была такса — 200 рублей за то, чтобы редактор протащил песню на худсовете...

— А в чем разница? И сегодня платят — чтобы клип прошел на телевидении.

— Это совсем разные вещи. Сегодня платят, чтобы потом заработать гораздо больше. А тогда платили, чтобы песня прозвучала. Если худсовет «зарубал»

песню, ее, конечно, можно было потом снова показывать — на другом худсовете. Но протащить становилось уже очень сложно. Конечно, фирма «Мелодия» — это миллионные тиражи, и в дальнейшем песня приносила деньги, авторский гонорар. Но по большому счету никто об этом не думал.

— У вас есть какие-то претензии к тому времени. В чем они?

— В основном бытовые. Не по творчеству. Я интенсивно работал — и как композитор, и как исполнитель. Было очень много концертов. Свободное время, конечно, оставалось, но не сказать, что много. Это сейчас десять концертов — что-то экстраординарное. А мы выезжали на гастроли на месяц-полтора и давали до пятидесяти концертов. То есть вся жизнь проходила в дороге. Это было тяжело. Хотя по молодости даже неплохо: смена обстановки, есть возможность страну поведать. За границу я не ездил, меня не выпускали. Поэтому писал музыку, жил своей молодой жизнью, влюблялся, выпивал и закусывал. Но мне больше нравится жить в этом времени. Я чувствую себя свободным человеком. Это самое главное. Все, что есть в нынешнем времени неприятного, блекнет перед одним словом — свобода. Я, может, не летаю каждый месяц в разные страны, но меня радует только то, что я имею такую возможность. Сегодня я могу сесть и улететь, куда захочется. В прошлом это было совершенно исключено.

— Но на смену прежней пришла другая зависимость — экономическая. Я считаю, что вы не можете отменить концерты, бросить все и улететь, «куда захочется». Потому что нужно на что-то жить, содержать дом, машину и прочее.

— Это уже нельзя назвать несвободой. В принципе, если захочу, могу бросить все и уехать. Но, во-первых, я человек очень

обязательный. Если что-то обещаю, стараюсь это выполнить. Во-вторых, вы правильно сказали: я не рантье, который может сдавать в аренду дома или участки и иметь с этого доход. Да, признаю, моя профессия кормит меня достаточно хорошо, но все равно я должен регулярно работать.

— Если судить чисто внешне, Юрий Антонов действительно материально живет неплохо. У него свой двухэтажный дом в десяти минутах езды от МКАД, прислуга. Во дворе, обнесенном добротным забором, еще один небольшой домик. Там расположена личная студия. По словам Антонова, очень неплохая и вполне современная. Под яблонями — беседка. В гараже — «Мерседес».

В жизни могу прислушаться к совету, в работе — никогда

— Вы в жизни часто шли на компромиссы? Вам, скажем, говорят: не делай этого...

— Если это не ударило по моему самолюбию как творческой личности, шел на компромиссы. Если конфликт носил принципиальный характер, то нет. Была, скажем, ситуация, когда все коллективы обязывали включать в свой репертуар не меньше двадцати процентов произведений членов Союза композиторов. Это придумало Министерство культуры по халатайству Союза композиторов. Я не стал этого делать. И они смирились. Потому что мои концерты пользовались огромным успехом, я работал во дворцах спорта, и Росконцерт зарабатывал на моих выступлениях огромные деньги. Допустим, двадцать концертов во дворцах спорта в одном городе. Представляете, что это такое?

— Если не ошибаюсь, вам принадлежит до сих пор не побитый рекорд — 28 концертов за 15 дней?

— Да, это в Питере было. Чиновники понимали, что есть такая корова, которую можно доить. Нельзя перегибать палку и давать ей сухую солому вместо свежей травки. И они отстали от меня. А большинство коллективов вынуждено было работать с этой квотой — 20 процентов. Дело ведь было в чем? Я в одном лице и композитор, и исполнитель. Мои концерты состоят только из моих произведений. Певец же запросом может поменять одну песню на другую. Почему я должен идти на такие компромиссы? Это

мое творчество. Я создаю произведение, хотите принимать его, хотите — нет. А чтобы кто-то командовал, указывал мне — как и что надо... Это даже не подлежит обсуждению. Во всем остальном, в жизни, я иногда бываю не прав и могу прислушаться к совету. А что касается творчества, тут уж — извините.

— Вы к своему творчеству как относитесь?

— Благожелательно. Без особого придыхания, но я много работаю, долго пишу альбомы. Вообще, творческий процесс обсуждать на страницах газеты невозможно. Понимаете, написать песню не представляет особого труда, это не долго. А вот записать ее... Тут уже вступают другие законы: аранжировка, звук, исполнители. Это большая серьезная проблема. Кто-то относится к этому поверхностно, кто-то более скрупулезно. Ну, я, наверное, отойдусь ко второй категории.

— Я читал, вы считаете себя замкнутым человеком. И готов сейчас с этим согласиться...

— Да, я не очень люблю большие скопления народа. Но и не отказываюсь от них. Меня часто куда-то приглашают, и я с удовольствием откликаюсь. Но долго не могу там находиться. Что-то меня начинает раздражать — не люди, а просто суета какая-то, лишние движения. И я, как правило, тихо ухожу. Чтоб никто не видел и не слышал. Это, наверное, связано еще и с тем, что я в силу профессии общался с огромным количеством зрителей. На сольный концерт приходят тысячи людей. Я ведь не шуюмен. Поэтому хочется немного отдохнуть от людей, если честно. Сейчас концертов не так много, и, может, это даже хорошо, есть возможность расслабиться. А когда много концертов, особенно ответственных... Я не очень люблю в Москве, к примеру, выступать — могут прийти коллеги и вообще люди, профессионально разбирающиеся в популярной музыке. И я всегда волнуюсь. Качество звучания меня волнует больше всего. Будет ли человек есть возможность заниматься любимым творчеством, тогда ни о чем другом и не думаешь. Мне это нравится. Я это делаю для себя. Я сам себе доставляю удовольствие: приглашаю хороших музыкантов и записываю свои песни.

— Для вас имеет значение проявление зрительской любви? Чтобы завалили сцену цветами?

— Это приятное ощущение. Хотя в мировой практике нет такого — носить цветы на сцену. Это

не интересно чужим творчеством. Халтурят — это их проблемы. Я халтурить не умею. У меня так исторически сложилось. У меня все должно быть высокого качества. Музыканты, которые со мной работают, всегда были лучшими в стране.

— Юрий Антонов работал в «Поющих гитарах» в лучшие годы жизни ансамбля. В музыкальных коллективах, которыми руководил Антонов, в разное время работали Аркадий Укупник, Владимир Матецкий, Евгений Маргулис, Константин Никольский, самый быстрый гитарист мира Виктор Зинчук и многие другие.

— Я говорю о том, что сейчас критерии изменились. Битва за качество звучания — это дополнительный труд. Чем он оправдывается?

— Удовлетворением. Для кого-то удовлетворение — лишнюю тысячу долларов в карман положить. А для меня удовлетворение — труд.

— Как можно больше тридцати лет заниматься в общем-то одним и тем же — писать песни, выходить на сцену и не устать от этого?

— Не знаю... Мне лично нравится.

— О том, что они устали от эстрады, говорили и Пугачева, и Лещенко: сужили рамки профессии, многое стало другим...

— А вы хотите всех одной меркой мерить? Сравнить нельзя. Вон на соседнем участке человек строит дом. Вы можете себя с ним сравнить? У него свои интересы в жизни, свои радости. Скажем, вы вообще не пьете, а для него выпить — радость. Что тут сравнивать? Пугачева и Лещенко — исполнители, а я — композитор.

И цветы, и кусты, и деревья — все сам сажаю

— У вас не возникало желания уйти в бизнес?

— Нет, я очень осторожен в этом смысле. Взаимоотношения партнеров в бизнесе в нашей стране отчасти даже опасные. Зачем мне лишняя головная боль? Я пока не готов вкладывать деньги в рестораны и прачечные. Знаете, когда у человека есть возможность заниматься любимым творчеством, тогда ни о чем другом и не думаешь. Мне это нравится. Я это делаю для себя. Я сам себе доставляю удовольствие: приглашаю хороших музыкантов и записываю свои песни.

— Для вас имеет значение проявление зрительской любви? Чтобы завалили сцену цветами?

— Это приятное ощущение. Хотя в мировой практике нет такого — носить цветы на сцену. Это

чисто российская традиция. Так же, как присвоение званий — народного, заслуженного артиста. Но если у нас есть такие традиции, их нужно уважать. Кстати, я должен сказать, что очень благодарен президенту Ельцину. Все понимали, что проданы миллионы моих пластинок, но официально это не было никак отмечено. И только в эпоху Ельцина я получил первое официальное звание — заслуженного деятеля искусств России. Как композитор. А затем — народного артиста России. Уже как исполнитель. Для кого-то такая оценка государства, может, не очень важна и серьезна. Но я считаю, это здорово. Так же и с цветами. Только отморозенный человек может безразлично относиться к людям, которые приносят на сцену цветы. Люди отрывают от своего семейного бюджета значительные суммы. Как можно их не уважать?

— В вашем саду тоже цветы растут, только не женской рукой они посажены...

— Да, это я сажал — все, что здесь находится: и цветы, и кусты, и деревья. Мне нравится этим заниматься.

— Так почему все же не видно следов женской руки?

— Значит, я выбрал себе такую жизнь, чтобы женская рука была незаметна — для постороннего глаза... Давайте все-таки лучше о творчестве говорить.

— Из всех представителей советской, а теперь и российской эстрады Пол Маккартни наиболее приятно отозвался только о вас. Как это случилось?

— На фирме «Мелодия» где-то году в 90-м вышла пластинка «Back in USSR», которую Маккартни посвятил Союзу. Заявленный тираж был, помоему, до ста тысяч, но «Мелодия» тиражила пластинку, конечно, по полной программе — где-то в несколько миллионов. И сюда, в Москву, приехал директор Маккартни. В то время в Москве был один приличный ресторан, в который все старались ходить — на Таганке. Там устроили презентацию диска. И меня как творческую единицу пригласили, чтобы я посидел, пообщался с этим директором. Я захватил с собой кассету со своей музыкой. И когда мы там выпивали и закусывали, отдал ее, и она попала в Полу Маккартни. Потом в одном из интервью он сказал, что ему моя музыка понравилась. Никакого личного контакта у меня с Маккартни не было. Но все равно было чрезвычайно приятно — как если бы, допустим,

Эйнштейн сказал кому-нибудь нашему физику хорошие слова.

— После слов Маккартни ловили на себе завистливые взгляды коллег?

— Нет, не ловил. При всем том плохом, что говорят о шоубизнесе, лично у меня очень хорошие отношения со многими артистами эстрады. Приятельские и, я бы даже сказал, дружеские.

«Мерседес» — не показатель уровня жизни

— Кто в вас сейчас вкладывает деньги? Или вы организуете концерты на свои?

— По-разному. Одно дело концерты где-то в регионах и совсем другое — в Москве. Провести концерт в зале «Россия» или Кремлевском дворце очень сложно. Это стоит огромных денег: аренда зала, аппаратура, света, звука. Особенно много денег поглощает реклама. Цифры умножительные. Органи-

фото Сергея Хабина

Пол Маккартни сказал, что ему моя музыка понравилась. И было чрезвычайно приятно — как если бы, допустим, Эйнштейн сказал кому-нибудь нашему физику хорошие слова.

хорошо, он может этого добиться.

— Для вас то, что называется бытовой стороной жизни, имеет большое значение?

— Очень большое. Я создаю у себя дома всю атмосферу уюта, достаточно приятную мне. Тут пожелать не могу. Мне дома очень комфортно. Сам травку кошу, поливаю. Беседка, в которой мы с вами сидим, — мой проект.

— Сами сидели с карандашом?

— Мне принесли какие-то эскизы. Я сказал: нет, так не будет. Сделайте вот так. И нарисовал. Мне очень нравится моя беседка, она симпатичная. Мадленка, к сожалению, но больше не позволяю размер участка.

— У вас сколько собак?

— Шесть.

— А кошек?

— Пятнадцать.

— Зачем вам столько?

— Мне непонятен вопрос. Что значит — зачем?

— Ну, у других обычно живет одна кошка.

— Я же не другой. Кому-то нравится одна. А мне — пятнадцать. Нравится — и все.

— Дмитрий Ежков.

ЮРИЙ АНТОНОВ: «ПИСАЛ МУЗЫКУ, ВЛЮБИЛСЯ, ВЫЛЛЮБИЛ И ЗАКУСЫВАЛ»

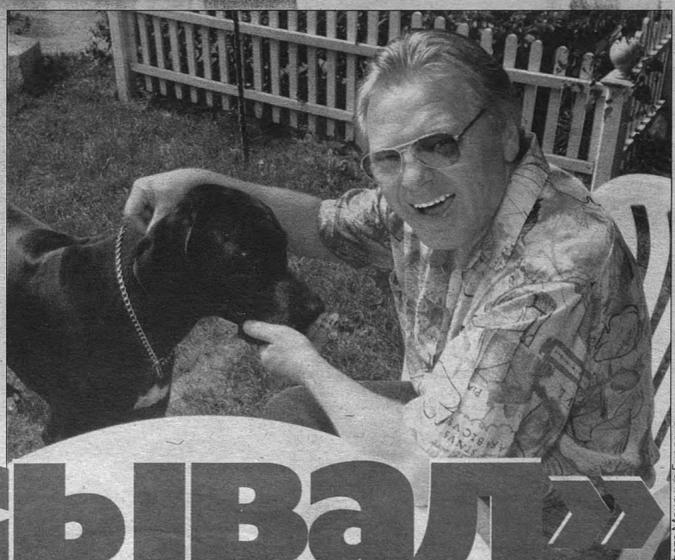

фото Максима Бурлака